

Бахыт Садыкова

доктор политических наук

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В МИРЕ МУСТАФЫ ЧОКАЯ

АЛИМ АЛМАТ

Самолёт медленно приземлился в аэропорту Стамбула. Как было заранее условлено, я вышла в холл, держа лист бумаги с надписью «Алмат». Ко мне тотчас же подошла необычайно милая супружеская пара.

– Алим Алмат, – протянул мне руку аксакал. – А это моя супруга Идиль.

– Бахыт Садыкова, – назвала себя я, и мы, продолжая знакомиться на ходу, направились к выходу, где нас ждала машина.

Алим Алмат – личность известная в среде казахской диаспоры в Турции: попав в плен в июне 1941 года у стен Брестской крепости, после войны он два года жил во Франции под опекой Марии Яковлевны, вдовы Мустафы Чокая. Учился в Парижской консерватории и, получив при поддержке Марии Яковлевны турецкое гражданство, обосновался в Стамбуле, где до самой пенсии занимал должность первой скрипки в Государственном симфоническом оркестре Турции. В 1952 году Алим женился на Идиль. Родился сын Торé. Часто всей семьёй ездили в гости сначала в Ножан-сюр-Марн, затем в Шелль, где Мария Яковлевна провела свои последние годы в приюте русской православной церкви.

Мария Яковлевна умерла тихо. 15 апреля 1969 года её похоронили на кладбище, где она заранее оплатила себе место на пятьдесят лет вперёд, то есть до 2019 года. Очень скоро это захоронение может быть уничтожено!

Перед своей кончиной Мария Яковлевна обратилась к молодому Алиму с просьбой: «Надеюсь, ты доживёшь до лучших времён. Доверяю тебе свою последнюю волю: донеси до Родины Мустафы всю правду о его жизни в эмиграции. Он умер от рук своих недругов. Принёс себя в жертву за свободу Туркестана».

Всё это Алим-ага рассказывал мне по дороге из аэропорта домой. Дома нас ждали вкуснейшие пельмени. Алим-ага предпочёл казы, привезённый мной, а после вкусного обеда продолжил свой рассказ. Время от времени я задавала уточняющие вопросы, записывая всё на диктофон и камеру. Так мы просидели до поздней ночи. Спать не хотелось: сказывалось сильное волнение. К тому же появлялись новые вопросы...

Перед моим отъездом Алим-ага сказал: «Лет мне уже немало. В 92-м мы с Идиль побывали в Актюбинске, на земле моих предков. Хотел рассказать о Мустафе Чокае, как просила Мария Яковлевна, но меня никто слушать не стал. Идиль расстроилась из-за того, что у меня поднялось давление. Годы идут. Вряд ли я смогу вновь поехать в Казахстан. Передаю тебе как эстафету последнюю волю Марии Яковлевны».

Это было в конце октября 1996 года.

ТЯЖЕСТЬ НОШИ

Я тогда смутно представляла себе всю тяжесть ноши, наивно полагая, что моё участие в исполнении последней воли вдовы президента Туркестанской автономии ограничится интервью, очерком или эссе.

Ещё в 1993 году, сразу после открытия посольства в Париже, поступил запрос из Алма-Аты: требовалось дать однозначные ответы на вопросы о том, кем был Мустафа Чокай, эмигрировавший в 1921 году во Францию, и насколько обоснованы утверждения советской пропаганды о его сотрудничестве с западными и японскими спецслужбами.

Согласно поручению посла Т. Кабдрахманова, следовало в течение трёх часов изучить вопрос в библиотеке INALCO (Института восточных языков и цивилизаций) и составить конкретные ответы на конкретные вопросы. Трёх часов мне хватило только на то, чтобы ознакомиться с двумя-тремя статьями самого Мустафы Чокая, а также с предисловием французского социалиста Пьера Реноделя к его книге «Туркестан под властью Советов». Первоначально книга была написана на французском языке – «*Chez les Soviets en Asie centrale*». Всё, что я успела почитать, помогло мне в какой-то мере составить представление о личности Мустафы Чокая.

Он показался мне человеком неординарным, очень грамотным политиком, прекрасно излагающим свои политические взгляды не только на казахском, чагатайском и русском языках, но и на великолепном французском: стиль и логика изложения были безупречны. Однако определить однозначно, был ли он героем или тем более агентом иностранных спецслужб, было нереально.

Ответ на этот вопрос могло дать только всестороннее изучение его деятельности до и после эмиграции в Европу, а для этого, вне всякого сомнения, необходимо было предпринять поисковые работы в архивах (и не только французских). Затем следовало вписать документы в контекст политической ситуации в СССР и Европе. Нужны были также время и деньги.

Рассказ Алима Алмата, который я слушала спустя три года после знакомства с библиотечными материалами в Париже, касался только личной жизни супругов Чокай и его встреч в Париже с певцом Амре Кашаубаевым.

Скрипач Алим Алмат был далёк от политики, и потому ему была совсем неизвестна политическая сторона жизни туркестанского эмигранта.

«ВЗЯЛСЯ ЗА ГУЖ...»

Сейчас, по истечении двадцати лет, вспоминаю, как и что я думала, соглашаясь войти в мир Мустафы Чокая.

Для начала я оценила свои возможности и, прежде всего, уровень владения языками, без чего немыслима аналитическая работа с архивными материалами. Не помешает также знание имён и работ западных исследователей истории Туркестана. В этом вопросе главным стало то, что я была знакома с великолепными исследованиями Александра Беннигсена и его ученицы Шанталь Лемерсье-Келькеже, авторов серии книг о мусульманских политических лидерах начала XX века. Они впервые на Западе провели глубокий и всесторонний анализ периодических изданий Алаш-Орды, хранящихся в библиотеке университета Хельсинки. За свои научные труды по истории советской Центральной Азии Александр Беннигсен и Шанталь Лемерсье-Келькеже были удостоены высшей

награды Франции – звания кавалеров ордена Почётного легиона. Неудивительно, что решением советского руководства они были причислены к тем, кого называли в прошлом «невъездными в СССР».

История турецкого гражданина Алима Алмата не оставила равнодушной профессора Лемерсье-Келькеже. Она поддержала мою идею о проведении поисковых работ. На первых порах мы вместе проникали в парижские архивы. Для меня это была счастливая пора увлечённости туркестанским прошлым, восхищения нестандартными решениями и поступками первых мусульманских политических деятелей.

По признанию Шанталь Лемерсье-Келькеже, больше всего её и Александра Беннигсена увлекали такие яркие и сильные личности, как татарин Мирсаид Султан-Галиев, прекрасный теоретик от политики, и его казахские единомышленники Алихан Букейхан, Ахмет Байтурсын, Миржакып Дулат, Турар Рыскулов. Мою идею взяться за исследование деятельности Мустафы Чокая она приветствовала. И не только. В ходе всей поисково-исследовательской работы именно она оказывала финансовую поддержку. И это в тот период, когда в новорожденной Республике Казахстан мало кто верил в чистоту помыслов Мустафы Чокая и, соответственно, не желал даже упоминать его имени ни в прессе, ни в книгах. Только работа в архивных центрах Парижа, Берлина, Женевы, Варшавы и других городов могла раскрыть тайны эмигрантской жизни главы Туркестанской автономии и заставить моих соотечественников в корне изменить отношение к Мустафе Чокаю. Для этого пришлось работать с текстами не только на казахском и русском, но и на английском, польском, турецком, немецком, японском языках, что требовало, помимо прочего, немалых финансовых затрат на поездки, переводческие и издательские услуги.

Шаг за шагом, переходя от написания одной книги к другой, я последовательно открывала доселе неизвестный мне мир Мустафы Чокая и делилась результатами своего труда с Шанталь Лемерсье-Келькеже. Сейчас могу уже без прежнего волнения признаться, что её одобрительные оценки были для меня единственным критерием правильности моих аналитических выводов о личности Мустафы Чокая и его политической деятельности.

Архисложная адвокатская работа по защите чести и достоинства юриста Мустафы Чокая была начата с составления перечня конкретных обвинений сталинской пропаганды в его адрес. Со ссылкой на «документальную» повесть офицера КГБ Казахской ССР Серики Шакибаева Мустафа Чокай был назван коллаборационистом и основателем Туркестанского легиона. Внесения ясности требовало утверждение сталинских пропагандистов о клеветническом характере публикаций Мустафы Чокая, якобы наносящих ущерб международному авторитету СССР. И, наконец, самым непосильным мне казался вопрос доступа к архивным документам, заточённым в Российском Государственном архиве. Они во многом могли, как мне казалось, внести ясность в вопрос об истинности или ложности утверждений советских чекистов об агентурной деятельности Мустафы Чокая в пользу западных и японских спецслужб.

Признаю, что с моей стороны было самонадеянно браться за столь многотрудную работу. К тому же после встречи с Алим-ага я прониклась пониманием того, насколько тяжела и свята ноша последней воли. Но, как говорят французы, *Le vin est tiré, il faut le boire* («Вино распечатано, и его надо пить»), что соответствует поговорке «Взялся за гуж – не говори, что не дюж». Главное – начать, а там будет видно...

ФИЛЬМ О ТУРКЕСТАНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ШЕСТЬ КНИГ О МУСТАФЕ ЧОКАЕ

Третьего января 1998 года на телеканале «Хабар», а ранее – в Доме кино состоялась премьера пятидесятидвухминутного документального фильма «Зар, или Отлучённые от Родины». Название фильма и авторство сценария принадлежали мне. Казахское слово *зар* имеет ряд переводческих эквивалентов, оно может быть приравнено к понятию *непреодолимая тоска*. А малоупотребительное слово *отлучённые* взято мной из религиозной лексики: оно обычно встречается в выражениях *отлучить от Бога, от веры*. Таким образом, по-казахски это – *Отанынан шеттетілгендердің зары*. Режиссёром фильма была Светлана Махметова, работавшая при профессиональном участии и поддержке Ораза Рымжанова. Снимали фильм прекрасные операторы, асы в своём деле – Аубакир Сулеев и Николай Раисов. Впервые были использованы архивные кадры немецкой кинохроники июня – июля 1941-го и последующих годов.

Фильм вверг зрителей в шок. В шоке от этого шока были и мы со Светланой Махметовой: ни я, ни она не имели до этого никакого опыта работы в документальном кино. «Неужели фильм удался?» – вопрошали мы, переглядываясь друг с другом.

В 2001 году издательство «Кайнар» выпустило книгу «Я пишу Вам из Ножана». Это был мой перевод на русский язык с казахского (при тщательной сверке казахского текста с исходным турецким) воспоминаний вдовы Мустафы Чокая Марии Яковлевны Гориной-Чокай. Название книги, по моему замыслу, должно было запечатлеть в памяти читателя название французского городка Ножан-сюр-Марн, где прошли двадцать лет жизни супругов Чокай. Дело в том, что в публикациях на казахском языке авторы писали «Ногент», исходя из буквальной транслитерации французского слова. Поддержал выход книги Имангали Тасмагамбетов, написавший к ней тёплое предисловие.

В 2002 году в том же издательстве вышла книга «История Туркестанского легиона в документах» с предисловием Мухтара Кул-Мухаммеда. Ни о каком «крёстном отцовстве» Мустафы Чокая речи быть не могло: туркестанский политик умер до того, как был создан легион (27 декабря 1941 года). А «конец 1942 года», указанный чекистами как дата смерти Мустафы Чокая, был лишь уловкой советских пропагандистов, предпринятой с единственной целью приблизить его к моменту создания легиона.

Выход в издательстве «Алаш» в 2004 году книги «Мустафа Чокай» был предварён вводной статьёй Нурбаха Рустемова. Исследование посвящено анализу материалов Мустафы Чокая, опубликованных в журнале «Яш Туркестан» и периодических изданиях антибольшевистского движения «Прометей». Анализ опроверг утверждение сталинской пропаганды об их клеветническом содержании, порочащем советский строй.

В 2007 году французское издательство L'Harmattan опубликовало моё эссе «Mustafa Tchokay dans le mouvement prométhéen». Задачей было дать франкоязычному читателю представление об эмигрантской деятельности Мустафы Чокая во Франции и Европе. Поддержка, моральная и финансовая, была оказана Французским институтом исследований Центральной Азии. В то время его возглавлял доктор Байрам Балчи, ныне сотрудник Французского центра научных исследований (в нашем понимании – аналог Академии наук).

2009 год. Исследование, изложенное в книге «Мустафа Чокай в эмиграции», – монография по моей докторской диссертации. Предисловие к ней написала профессор Ш. Лемерсье-Келькеже.

Завершило серию моих публикаций об эмигрантской деятельности Мустафы Чокая исследование «Türkistan Milli Birliđi», увидевшее свет в конце октября 2016 года и выпущенное при техническом и финансовом содействии Международного общественного фонда «Ер Жәнібек». Автором предисловия к этой книге является уроженец города Туркестана Нурбах Рустемов, ещё в подростковом возрасте слышавший рассказы своих земляков-аксакалов о Мустафе Чокае, которые помнили его добрые дела.

«Türkistan Milli Birliđi» – это анализ политической ситуации, сложившейся после Первой мировой войны, а также изложение исторических событий, изменивших карту мира. В центре исследования – политическая жизнь туркестанской эмигрантской организации в контексте деятельности антибольшевистского движения «Прометей». Опиралась я на архивные материалы Российского государственного военного архива (всё-таки я до них добралась!), архива МИД Японии, архива МИД Франции, Польского национального архива, архива польского Генштаба, содержание которых рассмотрено в контексте событий, происходивших в Туркестане, СССР и мире. Полученные результаты развенчали миф об агентурной деятельности Мустафы Чокая в пользу Японии и западных держав. Название книги звучит по-турецки и повторяет название организации, основанной в Париже Мустафой Чокаем в 1926–1927 годах и действовавшей до 14 июня 1940 года, даты оккупации Франции нацистами.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Народ Центральной Азии вряд ли бы узнал правду об эмигрантской деятельности почитаемого во всём тюркском мире Мустафы Чокая, казахского политического деятеля, покинувшего царскую Россию и ставшего гражданином Французской Республики. Мы бы не сумели очистить от сталинской пропагандистской лжи его доброе имя, если бы не безмерная любовь Марии Яковлевны Гориной-Чокай к своему супругу и преданность истинного учёного Шанталь Лемерсье-Кельеже идеалам высокочтимых ею исторических личностей.

В своих воспоминаниях Мария Яковлевна отмечает: «С Мустафой Чокаем мы прожили 23 года совместной супружеской жизни. Это была тяжёлая, но счастливая пора. В эмиграции нам приходилось играть самые разные, порой непривычные, роли. Бог миловал нас: низкие роли клеветников, мошенников и подхалимов мы никогда не играли. Наша совесть чиста».

Мустафа Чокай покоится на мусульманском кладбище в Берлине. На надгробной плите по воле его вдовы выгравированы буквы ЮН и цифры 15.13. Значение их мне подсказал поэт Кайрат Бакбергенов: это пятнадцатый стих Евангелия от Иоанна, где тринадцатая строка гласит: «Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих». Именно таким способом Мария Яковлевна увековечила в камне своё послание последующим поколениям туркестанцев. Послание в защиту чести и достоинства туркестанского лидера, по материнской линии потомка хана Бату (Бату в переводе с чагатайского означает «несокрушимый»).

Смерть Мустафы Чокая была выгодна чекистам. Точнее – Сталину. Он был убит, но остался идейно несокрушим!

06.11.2017

